

ОТЧЕГО ПОЛЮБИЛСЯ ЛИК РОДНОГО КРАЯ

ОТЧЕГО полюбился всем Иван Африканович? Добр... Трудолобив... Честен... Но так можно сказать о персонажах любого произведения, будь то шедевр или посредственная вещь...

Приглядимся: нелегко труд Катерины, жены Ивана Африкановича («Привычное дело»). Да и жизнь Ивана Африкановича не сладка, он, издевавший немецкого свинца и тяжелой крестьянской работы, отдает свои силы земле, а та не особенно щедра, она хоть и кормит, но каждодневно требует заботы.

Так отчего полюбился всем Иван Африканович? Да оттого, что невозможно сломить его дух. Иван Африканович принимает и любит жизнь такой, какая она есть. Он видит прекрасное в том, что для другого достойно лишь презрительной ухмылки. Всего лишь ухмылки, потому что тот, другой, — созерцатель жизни. Иван Африканович — ее участник. И не только он...

Отдали его домохадцы пятьдесят рублей за три самовара, которые Иван Африканович должен был доставить в магазин со склада цеховыми, а доставил побитыми. «Какая опять беда-то», — говорит его теща подружке. Но не удерживается на «беде» и добавляет: «Три самовара теперече, я уж хохочу, давай, говорю, открывай чайную в деревне, станови коммерцию».

Балагурством, озорством, показом бесхитростной любви к жизни Василий Белов напоминает порой архангельского сказочника Степана Писахова. Подарившего читателям «Морожены песни». «Ветер про запаc». «Письмо мордобитно». Сеня Малина, от имени которого Писахов рассказывает небывалые, — духовный брат и Ивана Африкановича, и старика

Олеши Смолина («Плотничьи рассказы»), и мазурика Сееньки Груздева («Под извоз»). Отделить их от реки, от леса, от каждодневного тяжелого труда, от деревни, от присказки и бухтины невозможно, как нельзя трогать старый дом.

«Все здесь срослось и склепелось в одно целое, лучше не трогать этих сроднившихся бревен, не испытывать их испытанную временем верность друг другу».

А что будет, если все же тронуть, отделить? Будет судьба такая, как у Тони или ее мужа Зорина. Об их семейной жизни, вернее — совместной пытке рассказывают посторонний человек («Воспитание по доктору Спoкy»), сам Зорин («Чок-полчок»), его теща («Свидания по утрам») и врач-нарколог («Дневник нарколога»). В каждом из четырех рассказов постоянно слышится: нервы, нервы, нервы.

«Зорин чувствует, как на виске начинает дергаться какая-то жилка» («Воспитание по доктору Спoкy»).

«Кинет ребеночка на кровать, как чуного. А все потому, что НЕВРЫ. Худые нынче нервы-то, у многих очень плохие» («Свидания по утрам»).

«Зорин вдруг побелел, крылья его носа шевельнулись, он отступил шаг назад» («Дневник нарколога»).

«Я чувствовал, что завожусь, но не мог остановиться» («Чок-полчок»).

Отчего же «невры»? Ведь куда труднее шла жизнь у Ивана Африкановича, у Олеши Смолина. Автор не желает подсказывать выводов, он лишь констатирует факт — Зорин живет плохо. Не умеет жить этот весьма симпатичный человек. Отчего? Оторвался от земли, от родины, где вырос? Не нашел работы по душе? Или окружение виновато — жена, Голубев, «барсы» и «вадимы»?

Для ответа надо вернуться к «Плотничьи рассказам», увидеть в Олеше то главное, без чего пропадешь, не сможешь выстоять в поединке с судьбою. Олеша обращается все к тому же Зорину, приехавшему в отпуск в родную деревню:

«А я, друг мой Константин, еще скажу, что сроду так не делал, чтобы, осердясь на вошей, да шубу в печь... Бог с ними. Была вина, да вся прощена...»

Белова одно время звали «деревенщиком». После цикла рассказов о Зорине, человеке, который ведет сугубо городской образ жизни, у писателя признали наличие новых, дотоле неизвестных особенностей творчества.

И все же цикл «городских» рассказов — не новый неожиданный поворот, а естественное продолжение творчества Белова, в них нет разлада с писательским кредо, изложенным в рассказе «Бобришный угор»:

«И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся и ним, как бы не грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой родины невозможно. Ведь человек счастлив, пока у него есть родина...»

Если уж характеризовать писателя несколькими словами, я бы назвал Белова певцом «малой родины». О ней, затерявшейся на дороге от райцентра деревеньке, как о гостеприимном пристанище в дни счастья и тягот всегда помнил Василий Шукшин. Ей посвятил свои романсы Федор Абрамов. С ней не может расстаться Василий Белов. Он живет среди народа, о котором пишет, и потому не может не знать его, не верить в него, не любить.

К сожалению, не по плечу ни

одному статистическому управлению вычислить, скольких читателей Белов позвал в дорогу — повидать далекую, приотвешуюся у обочины сельской дороги родину.

Позвать в дорогу — это не обязательно побудить читателя ринуться на самолет, с самолета на поезд, с поезда на машину, с машины на телегу, а дальше пешком, как случилось с майором из рассказа «За тремя волоками». Книга может позвать заглянуть внутрь себя, перебороть «приговор необратимого времени» и оживить картины прошлого, ощутить нерасторжимую связь с природой, домом, родными.

Материал писателя — слово. С его помощью он строит дом, в котором будут жить читатели. Дом должен быть прочен, красив; но без излишеств, без «красот ради красот». Северные жилища издавна славилась мерой во всем. Северные жители издавна славилась любовью к слову, к его красоте. Но и для слова должна быть «мера». Сколько областных слов на страницу художественного текста — где предел? Стоит ли употреблять те речения, которых не знают нигде, кроме нескольких сел Вологодской области? Нет предела... Стоит употреблять, если это сделано во имя искусства, если фраза получилась живой, «уютной», если в ней остался чудный «запах слов»:

«Сухаринов засушили, котомочки справили. А уж и всех к тому времю нешто осталось. Пошли, сердешные, богу не помолились, уж все одно худо. Шли, шли, поись приближилось. Толконка было на всех мешон нулевой, а посудушки-то нет, как толконка развести?»

Умение слушать и запоминать для писателя, наверное, главное.

«Ждала, ждала, все и жданки вышли». Эта фраза вряд ли придумана, она услышана, ведь именно народ, а не писатель, творец языка. Есть в словаре Далея или семнадцатитомном академическом «Жданки»? Нет. А у Белова в сборнике «Повести и рассказы» (издательство «Известия», 1980), выдвинутом ныне на соискание Государственной премии СССР, не два подобных услышанных и им впервые записанных мудрых русских слов.

Мы уже привыкли к выражению «штрихи к портрету» в литературе. Штрихов может быть много, и с каждым новым все явственней проступает лицо. Каждый рассказ Белова — штрих к портрету Родины. Штрих — рассказ про веселого, любящего жизнь такой, какая она есть, Сееньку Груздева («Под извоз»). Второй штрих — плач женщины по погибшему четверть века назад на войне мужу, плач, в котором выражено страдание, тихое, бесконечное («На Росстанном холме»). Третий штрих — после слов старика про Клашку, «Дима проводил ее новым, совсем новым целомудренным взглядом...» («Кладвия»); Четвертый — горе потерявшего всех родных старого человека («Весна»). Пятый — мастеровой Гриша («Гриша Фунт»). Шестой... Седьмой... Восьмой... И вырисовывается помаленьку лицо, лицо родного края. В отличие от портрета, написанного кистью и красками, оно никогда не будет закончено, но каждый новый штрих — рассказ, повесть, роман — делает его четче. Надо только умело класть штрихи, в это Василий Белов умеет.

Михаил ВОСТРЫШЕВ